
Уильям
ГИБСОН
ДЖОННИ-МНЕМОНИК

Джонни Мнемоник
Уильям Форд Гибсон

Уильям Гибсон. Джонни Мнемоник

Уильям Гибсон
Джонни Мнемоник

Я сунул пушку в сумку «Адидас» и заложил четырьмя парами теннисных носков; это не мой стиль, но как раз то, что мне нужно, — если они думают, что ты работаешь грубо, будь техничным, если они думают, что ты работаешь технично, будь грубым. Я техничный малый, поэтому решил делать всё максимально грубо. В наши дни, впрочем, надо быть супертехничным профессионалом, чтобы подняться до грубого стиля. Мне пришлось выточить обе гильзы двенадцатого калибра из медной заготовки (на токарном станке) и потом вручную их зарядить; мне пришлось раздобыть древнюю микрофишу с инструкциями по изготовлению самодельных патронов; пришлось сконструировать рычажный пресс для впечатывания капсюлей — всё это очень непростые процедуры. Но я знаю, эти патроны сработают.

Встреча была назначена в Дроме на 23:00, однако я проехал в Трубе три остановки после ближайшей к нему платформы и обратный путь проделал пешком. Необходимая предосторожность.

Я взглянул на своё отражение в хроме кофейной будки. Острые европейские черты лица, ёжик тёмных жёстких волос. Девицы в парикмахер-

ской «Под Бритвой» балдеют от Сони Мао, и всё сложнее удержать их от добавления к вашей причёске какого-то шикарного намёка на геройскую внешность. Возможно, это и не одурачит Ральфи Фэйса, но, по крайней мере, даст мне подобраться к его столику.

Дром — узкое помещение с баром по одну сторону и столиками по другую, где обитают сутенёры, сводники и богатый набор торгашей любой масти. Сегодня вечером вход сторожили Сёстры Магнетической Собаки, и мне совсем не улыбалось пытаться пробираться мимо них, если всё вдруг сорвётся. Они были двухметрового роста и худые, как борзые псины. Одна — чёрная, другая — белокожая, но, не считая этого, они были настолько одинаковы, насколько это может сделать пластическая хирургия. Уже много лет они были любовниками, а также плохим знаком в потасовке. Точно не знаю, кто из них раньше был мужчиной.

Ральфи сидел за своим обычным столиком. Должен мне целую кучу денег. Я храню в башке сотни мегабайт информации (в режиме идиот-всезнайка), к которой у моего сознания нет доступа. Ральфи её здесь оставил, но так за ней и не вернулся. Только он может заполучить эти

данные — при помощи ключевой фразы, сконструированной им самим. Для начала скажу, что я не особенно дешёв, и у меня уже накопились астрономические сверхурочные. Ральфи был очень небрежен.

Потом я услыхал, что Ральфи подбирает наёмных убийц. Для меня. Так что я договорился с ним о встрече (в Дроме), но представился как Эдвард Бэкс, подпольный импортёр, недавно из Рио и Пекина.

Дром купался в БИЗе, металлическое клацанье нервного напряжения. Парни-качки, разбросанные по толпе, пытались произвести впечатление друг на друга, сгибая и разгибая профессиональные части тела и демонстрируя узкие холодные ухмылки; некоторые из них настолько затерялись под суперструктурой наращённых мышц, что уже не походили очертаниями на людей.

Прошу прощения. Прошу прощения, друзья. Это всего лишь Эдди Бэкс, Шустрый Эдди Бэкс, импортёр, со своей профессиональной, совершенно обычной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на это отверстие — в аккурат для правой руки.

Ральфи был не один. Рядом с ним на кресле громоздился, настороженно пялясь на толпу,

восьмидесятикилограммовый светловолосый калифорнийский бык. Живой символ боевых искусств.

Шустрый Эдди Бэкс оказался в кресле напротив них прежде, чем бык успел оторвать руки от стола.

— У тебя чёрный пояс? — спросил я с энтузиазмом. Он кивнул, голубые глаза работали в режиме автоматического сканирования моих глаз и рук. — У меня тоже, — сказал я. — Принёс свой с собой, здесь в сумке. — Тут я просунул руку в щель и спустил предохранитель. Щёлк. — Два двенадцатых калибра со сдвоенными курками.

— Ничего себе пушка, — сказал Ральфи, опуская пухлую останавливающую ладонь на синий нейлон, который обтягивал крепкую бычью грудь. — У Джонни в сумке антикварное огнестрельное оружие. — Слишком много для Эдварда Бэкса.

Мне кажется, он всегда был Ральфи Таким-то или Каким-то, а новой фамилией он был обязан своему необычайному тщеславию. Сложённый как переспелая груша, он носил некогда знаменитое лицо Кристиана Уайта уже лет двадцать — Кристиан Уайт из Арийского Рэггей Бэнд, Сони Мао своего поколения, безусловный чемпион расистского рока. Я эрудит по части тривиального.

Кристиан Уайт: классическая физиономия артиста эстрады с хорошо развитыми мускулами лица, отточенными скулами. Ангельское или неотразимо-греховное — смотря с какой стороны смотреть. Но глаза Ральфи жили совсем другой жизнью: они были холодными, маленькими, чёрными.

— Пожалуйста, — сказал он, — давай уладим всё как бизнесмены. — Голос звучал гипнотически искренно, уголки рта всегда оставались влажными. — Льюис, — сказал он, кивая в сторону качка, — просто кусок мяса. — Льюис отнёсся к этим словам бесстрастно, как марионетка из набора «Сделай Сам». — Но ты, Джонни, не кусок мяса.

— А кто же я ещё, Ральфи? Отличный кусок мяса, битком набитый имплантированными чипами памяти, в которых ты хранишь своё грязное бельё, пока нанимаешь киллеров для меня. И этому куску мяса, Ральфи, кажется, что ты должен кое-что объяснить.

— Всё из-за этой новой партии товара, Джонни. — Он глубоко вздохнул. — Как брокер…

— Скупщик краденого, — поправил я.

— Как брокер, я обычно очень тщательно подбираю свои каналы.

— Ты покупаешь только у тех, кто крадёт луч-

шее. Понял.

Он снова вздохнул.

— Я стараюсь, — сказал он устало, — не покупать у дураков. Но на этот раз, боюсь, сделал это. — Третий вздох был сигналом для Льюиса. Он нажал кнопку нейропрерывателя, который они закрепили под столом с моей стороны.

Я собрал все силы, пытаясь согнуть указательный палец правой руки, но казалось, что он принадлежит кому-то другому. Я мог чувствовать металл оружия, мягкую поролоновую ленту, обмотанную вокруг неудобной рукоятки, но руки были далёкими и неподвижными, как из воска, холодного воска. Я надеялся, что Льюис был настоящим куском мяса, достаточно тупым, чтобы потянуться за сумкой и задеть мой лежащий неподвижно на курке палец, но я ошибся.

— Мы очень беспокоились о тебе, Джонни. Очень беспокоились. Видишь ли, то, что хранится в тебе, — собственность Якудз. Дурак стащил у них это, Джонни. Мёртвый дурак.

Льюис усмехнулся.

Во всём этом был смысл, очень неприятный смысл, словно мешки с мокрым песком, падающие на голову. Убийство — не стиль Ральфи. Даже Льюис был не в стиле Ральфи. Но он дал

себе влипнуть где-то между Сыновьями Неоновой Хризантемы и тем, что им принадлежало (или, скорее, чем-то таким, что принадлежало кому-то ещё). Ральфи, конечно же, мог использовать ключевую фразу, чтобы ввести меня в режим идиота-всезнайки, и я выплесну их драгоценную программу, не запомнив при этом ни одного ключа. Для скупщика краденного, как Ральфи, этого было бы вполне достаточно. Но не для Якудз. Якудзы знают о Спрутах и не хотят беспокоиться из-за того, что один из них может вытащить едва заметные следы их программы из моей башки. Я мало знаю о Спрутах, но до меня доходили слухи, и я сделал одним из принципов никогда не повторять их моим клиентам. Нет, это точно не понравилось бы Якудзам: слишком похоже на вещественное доказательство. Они бы не добились всего того, чем владеют сейчас, оставляя за собой вещественные доказательства повсюду. И в живых.

Льюис ухмылялся. Я полагаю, сейчас он думал о точке, расположенной неглубоко под моим лбом, и о том, как добраться туда, не особенно церемонясь.

— Эй, — произнёс низкий женский голос откуда-то у меня из-за плеча, — ковбои, вы определённо

проводите время не очень-то весело.

— Убирайся, сука, — сказал Льюис, его загорелое лицо было неподвижно. Ральфи выглядел непроницаемо.

— Развейтесь. Хотите купить немного дешёвого сырья? — Она отодвинула кресло и села прежде, чем её успели остановить. Она была в пределах моего неподвижного поля зрения — худая девица в зеркальных очках, тёмные волосы зачёсаны в непослушную гриву. Она была одета в чёрную кожаную куртку, распахнутую так, что видна футболка, расчерченная чёрными и красными полосами. — Восемь тыщ за грамм веса.

Льюис раздражённо фыркнул и попытался ударом выбить её из кресла. Каким-то образом он промахнулся, её ладонь метнулась вверх и, казалось, на мгновение коснулась его запястья. Яркая кровь брызнула на стол. Он схватился за руку и зажал запястье так, что побелели костяшки пальцев. Между пальцами сочилась кровь.

Но, кажется, в руке у неё ничего не было?

Льюису понадобится операция по сшивке сухожилия. Он с предосторожностями поднялся, забыв о кресле. Оно перевернулось. Парень шагнул из моего поля зрения, не произнося ни слова.

— Ему не мешало бы обратиться к врачу, — ска-

зала она. — Ужасный порез.

— Ты даже не подозреваешь, — сказал Ральфи неожиданно усталым голосом, — в какое дерьмо ты только что вляпалась.

— Что, серьёзно? Детектив. Меня так возбуждают разные детективные истории. Например, почему твой друг здесь ведёт себя так тихо. Будто замороженный. Или для чего нужна вот эта штуковина, — она держала миниатюрный пульт, который непонятно как вытащила у Льюиса. Ральфи выглядел больным.

— Может быть, ты хочешь получить четверть миллиона, отдать это мне и сходить прогуляться? — Жирная ладонь поднялась, нервно провела по побледневшему худому лицу.

— Чего я хочу, — сказала она, щёлкнув пальцами, и пульт стал крутиться, поблёскивая, — это работу. Контракт. Твой парень повредил себе запястье. Но четверть сойдёт для аванса.

Ральфи резко выпустил воздух из лёгких и начал хохотать, демонстрируя зубы, которые не поддерживались на уровне стандартов Кристиана Уайта. Тут она отключила прерыватель.

— Два миллиона, — сказал я.

— Мой человек, — сказала она и засмеялась. — Что в сумке?

— Дробовик.

— Грубо. — Это мог быть и комплимент.

Ральфи промолчал.

— Зовут Миллионс. Молли Миллионс. Хочешь убраться отсюда, босс? Люди начинают оборачиваться. — Она поднялась. Она носила кожаные джинсы цвета высохшей крови.

И в первый раз я увидел, что зеркальные очки были хирургической накладкой, их серебристый металл плавно поднимался с её высоких скул, словно запечатывая глаза в глазницах. Я увидел в них двойное отражение своего лица.

— Моё имя Джонни, сказал я. — Мы возьмём мистера Фэйса с собой.

Он ждал нас на улице. Выглядел, как обычный Тех-турист, одет в синтетические шорты и дурацкую гавайку, покрытую рекламами самого популярного микропроцессора его фирмы; уютный типичный маленький человечек, такой скорее всего закончит свой путь, свалившись пьяным на стойку бара, где подают миниатюрные рисовые крекеры с гарниром из водорослей. Он выглядел в точности как человек, который будет петь гимн корпорации и плакать при этом, будет бесконечно трясти руку бармену. И сводники, и спекулянты оставят его в покое, заклеймив

прирождённым консерватором. Неспособный на многое и осторожный с кредитом, когда он есть.

Впоследствии я догадался, что они ему ампутировали часть большого пальца левой руки, где-то за первым суставом, и заменили его пустотелым протезом, в котором были спрятаны катушка и раструб из псевдоалмазов Оно-Сендай. И аккуратно намотали на катушку три метра мономолекулярного волокна.

Молли отправилась что-то выяснять с Сёстрами Магнетической Собаки, и дала мне шанс вывести Ральфи за дверь с помощью спортивной сумки, прижатой к его пояснице. По-моему, она их знала: я слышал, как темнокожая рассмеялась.

Я рефлексивно взглянул вверх, — может быть, потому, что никак не могу к этому всему привыкнуть: к парящим аркам света и росчеркам теней от геодезики над ними. Может быть, именно это и спасло мне жизнь.

Ральфи продолжал шагать, но не думаю, что он пытался убежать. Думаю, он сразу сдался. Возможно, он успел догадаться, с чем мы столкнулись.

Я опустил взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как он разваливается.

Если прокрутить плёнку назад, можно увидеть, как Ральфи делает шаг и в это мгновение

маленький Тех, улыбаясь, выскальзывает ниоткуда. Имитация поклона, и большой палец его левой руки отваливается. Настоящий трюк иллюзиониста. Палец повисает в воздухе. Зеркала? Проволочки? Ральфи останавливается, спиной к нам, тёмные полумесяцы пота проступают в подмышках его светлого летнего костюма. Он знает. Он должен был знать. И тут этот смешной кончик пальца, тяжёлый как свинец, описывает дугу, как в цирковом фокусе, и невидимая нить, соединяющая его с ладонью убийцы, проходит сбоку через череп Ральфи, немного выше бровей, как хлыст огибает всё тело и опускается, рассекая грушевидное туловище по диагонали от плеча через грудную клетку. Разрез настолько тонкий, что кровь не брызнула до тех пор, пока не дали осечку синапсы и первые судороги не подчинили тело гравитации.

Окутанный розовым облаком, Ральфи развалился на части. Три куска плоти покатились по булыжной мостовой. Абсолютная тишина.

Я поднял спортивную сумку. Отдача чуть не оторвала мне запястье.

Как будто шёл дождь; потоки воды лились каскадом с лопнувшей геодезики и падали на плиты позади нас. Мы притаились в узком проёме меж-

ду хирургической и антикварной лавочками. Она просто выставила край зеркального глаза из-за угла и сообщила, что перед Дромом стоит модуль Фольксваген с мигалкой. Они счищали с мостовой Ральфи. Задавали разные вопросы.

Я был весь покрыт опалённым белым пухом. Теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в изодранный пластиковый наручник вокруг запястья.

— Не пойму, чёрт возьми, как я мог промахнуться.

— Потому что он быстрый, очень быстрый. — Она сидела на корточках, обняв руками колени, и раскачивалась на каблуках взад-вперёд. — Его нервная система перевозбуждена. Заказная сборка. — Она ухмыльнулась и слегка взвизгнула, демонстрируя восторг. — Я собираюсь заполучить этого парня. Немедленно. Он — номер один, самый дорогой, самый лучший, произведение искусства.

— За два миллиона этого парня ты получишь возможность вытащить отсюда мою задницу. Твой приятель большей частью выращен в пробирке в Чиба Сити. Он киллер у Якудз.

— Чиба. О да. Видишь, Молли тоже была в Чибе. — И она показала мне свои ладони, слегка разведя

пальцы. Длинные и тонкие пальцы, очень белые в сравнении с ярко-красными полированными ногтями. Из укрытий под ногтями выступали десять лезвий; каждое — узкий обоюдоострый клинок из голубой сверкающей стали.

Я никогда не проводил много времени в Ночном Городе. Здесь никто не платил мне достаточно для того, чтобы я об этом помнил, и многие из них платили за то, чтобы о них забыли. Поколения метких стрелков долбали по неону до тех пор, пока ремонтники не плюнули на свою работу. Даже в полдень световые дуги были пепельно-чёрные в сравнении с бледнейшей из жемчужин.

Куда податься, когда богатейшая криминальная организация мира пытается нащупать тебя своими спокойными длинными пальцами? Где скрыться от Якудз, которые настолько могущественны, что владеют трансляционными спутниками и как минимум тремя шаттлами? Якудзы — настоящая межнациональная корпорация, как Ай-Ти-Ти и Оно-Сендай. За пятьдесят лет до моего рождения Якудзы уже поглотили китайские Триады, Мафию и Юнион Корс.

У Молли был готовый ответ: Ты прячешься в Аду, в самом нижнем круге, где любое действие извне создаёт быстро расходящиеся концентри-

ческие волны сырой угрозы. Ты прячешься в Ночном Городе. Ещё лучше, ты прячешься над Ночным Городом, потому что ад вывернут наизнанку и дно его котла касается неба — неба, которое Ночной Город никогда не видит, потея под своим покрывалом из акриопластика — наверху, там, где Прим Техи притаились в темноте подобно горгулам, прилепив к губам контрабандные сигареты.

У неё был также ещё один ответ.

— Итак, ты прочно и надёжно заперт, Джонни-сан? До той программы никак нельзя добраться без пароля? — Она увела меня в тень, которая ждала за освещённой платформой Трубы. Бетонные стены были покрыты слоями граффити, накопившимися за многие годы, закрученными в единую метакаракулю гнева и нигилизма.

— Хранящаяся информация загружается через каскад модифицированных микрохирургических протезов. — Я протараторил сокращённую версию моей стандартной рекламной легенды. — Код клиента хранится в специальной микросхеме; кроме Спрутов, о которых в нашей профессии не любят говорить, не существует путей доступа к кодовой фразе. Её нельзя раздобыть с помощью наркотиков или пыток. Я её не знаю,

никогда не знал.

— Спруты? Такие извивающиеся твари с массой рук? — Мы вышли на пустынный уличный рынок. Фигуры в тени наблюдали за нами через импровизированную площадь, заваленную рыбьими головами и гниющими фруктами.

— Сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений. Использовались во время войны для обнаружения подводных лодок и блокады вражеских киберсистем.

— Что, правда? Военные штучки? Со времён войны? А Спрут прочтёт эту твою микросхему? — Она остановилась, и я почувствовал на себе её взгляд, скрытый двойными зеркалами очков.

— Даже самые примитивные модели могут измерять магнитное поле мощностью в одну миллионную от земного; это как подслушивать шёпот на ревущем стадионе.

— Полиция уже может делать такое, с лазерами и параболическими микрофонами.

— Но, тем не менее, ваши данные в безопасности. — Профессиональная гордость. — Никакое правительство не позволит своим полицейским использовать Спрутов, даже в интересах безопасности. Слишком велик риск конфликтов между различными службами; они могут устроить что-

то вроде Уотергейта.

— Военные штучки, — сказала она. Её улыбка сверкнула в темноте. — Военные штучки. У меня есть друг, там внизу, который служил в армии, зовут Джонс. Я думаю, тебе стоит с ним встретиться. Он сидит на игле. Так что придётся ему что-нибудь принести.

— Он наркоман?

— Он дельфин.

Он был больше чем дельфин, хотя с точки зрения другого дельфина он мог бы показаться чем-то меньшим. Я видел, как он лениво кружит в своей оцинкованный цистерне. Вода плеснула через край, замочив мои туфли. Он был реликтом последней войны. Киборг.

Он поднялся из воды, показывая нам покрытые налётом пластины вдоль своих боков, ещё один визуальный трюк; сила и лёгкость его движений были скованы чешуёй из нелепой доисторической брони. Две выпуклости по обе стороны черепа были созданы для помещения в них сенсорных устройств. Серебристые рубцы поблёскивали на открытых участках его серо-белой шкуры.

Молли свистнула. Джонс мотнул хвостом, и ещё один каскад воды хлынул через край цистерны.

— Что это за место? — Я разглядывал смутные очертания в сумраке, ржавые цепи и хлам под брезентом. Над цистерной висела уродливая деревянная конструкция, увешанная рождественскими гирляндами.

— Парк Развлечений. Зоопарк и карнавальные аттракционы. «Поговори с боевым китом». И всё такое. В каком-то смысле Джонс, конечно, кит…

Джонс снова поднялся над водой и уставился на меня своим печальным древним глазом.

— Как он разговаривает? — Мне вдруг захотелось уйти отсюда.

— В этом весь трюк. Скажи «Привет», Джонс.

И сразу все лампочки вспыхнули одновременно. Они светились красным, белым, синим.

КБСКБСКБС

КБСКБСКБС

КБСКБСКБС

КБСКБСКБС

— Хорошо разбирается в символах, но набор кодов ограничен. Военные подключали его к аудиовизуальному дисплею. — Она вытащила узкий пакетик из кармана куртки. — Чистая дрянь, Джонс. Хочешь? — Он замер в воде и сразу начал погружаться. Я слегка встревожился, вспомнив,

что он не рыба и может утонуть. — Нам нужен ключ к банку данных, Джонс. Срочно.

Огни вспыхнули, погасли.

— Ищи, Джонс.

```
    C
CCCCCCCCC
    C
    C
    C
```

Синие лампочки, крестом.

Темнота.

— Чистая! Очищенная. Ну давай, Джонс.

```
БББББББББ
БББББББББ
БББББББББ
БББББББББ
```

Белое матовое зарево высветило черты её лица; монохром, тени на её скулах.

```
K   KKKKK
K   K
KKKKKKKKK
    K   K
KKKKK   K
```

Лапы красной свастики искажались в её зеркальных линзах.

— Отдай ему, — сказал я. — Ключ у нас.

Ральфи Фэйс. Никакой фантазии.

Джонс перекинул половину своего бронированного туловища через край цистерны, и я подумал, что металл может не выдержать. Молли ткнула в него большим шприцем, вводя иглу между двух пластин. Поршень заскрипел. Цветные узоры взорвались, судорожно прыгая по раме, потом угасли.

Мы оставили его дрейфовать, вяло покачиваясь, в тёмной воде. Может, ему снилась война на Тихом океане, роботы-мины; он выводил их из строя, мягко прощупывая их электрические цепи Спрутом, тем самым, который сейчас использовал для взлома жалкого кода Ральфи в микросхеме в моей голове.

— Я могу понять промашку, которую они сделали, позволив ему демобилизоваться с этим устройством, но как кибернетический дельфин пристрастился к лекарству?

— Война, — сказала она. — Они все были такие. Как ещё можно их заставить работать на тебя?

— Я не уверен, что мне нравится это дело, — сказал пират, набивая себе цену. — Спецификация

цели на спутнике — это не по правилам…

— Если будешь впустую тратить моё время, ты вообще окажешься не у дела, — сказала Молли, наклонившись над исцарапанным пластиковым столом и направив на него свой указательный палец.

— Хочешь попробовать купить свои микроволны где-то ещё? — Крутой паренёк — несмотря на свою Мао-работу. В Ночном Городе с самого рождения, наверное.

Её рука превратилась в размытое пятно на фоне его куртки, полностью отрезав лацкан и даже не распустив срез ткани.

— Ну так что, по рукам или нет?

— По рукам, — сказал он, пытаясь сделать вид, что разглядывает свой изуродованный лацкан только из вежливого интереса. — По рукам.

Пока я проверял два купленных нами рекордера, она вытащила из-под молнии на запястье куртки лист бумаги, который я ей дал. Развернула его и прочитала, молча шевеля губами. Потом пожала плечами.

— Это оно?

— Начали, — сказал я, одновременно вдавливая на двух деках кнопку «ЗАПИСЬ».

— Кристиан Уайт, — прочла она, — и его Арий-

ское Рэггей Бэнд.

Преданный Ральфи, фанат до самого последнего дня.

Переход в режим идиот-всезнайка всегда оказывается менее резким, чем я ожидаю. Фасадом для пиратской радиоустановки служил офис загнувшегося турагентства — куб, окрашенный в пастельные тона, где были выставлены стол, три стула и выцветший постер швейцарской космостанции. На полке близ плеча Молли две игрушечные птички дутого стекла с оловянными лапками монотонно прихлёбывали из стиропластовой чашки с водой. Я достигал нужной фазы, и они постепенно ускорялись, пока венчики их фосфоресцирующих перьев не превратились в сплошные цветные дуги. Светодиоды в настенных пластиковых часах стали бессмысленными пульсирующими ячейками, и Молли, и Маолицый парень обернулись пятнами тумана, их руки иногда расплывались в призрачных быстрых насекомообразных движениях. Затем всё это перешло в холодный белый шум, бесконечную модулированную поэму на искусственном языке.

Я сидел и пел украденную покойником Ральфи программу целых три часа.

Навес простирается от края до края на сорок километров, — превратившееся в лохмотья перекрытие из куполов Фуллера над тем, что некогда было пригородной артерией. Если в ясный день отключить осветительные дуги, серая аппроксимация солнечного света будет фильтроваться через слои акриопластика: пейзаж, напоминающий тюремные наброски Джованни Пиранези. Три самых южных километра покрывают Ночной Город. Ночной Город не платит налогов и коммунальных сборов. Неоновые дуги безжизненны, и геодезика закопчена десятилетиями обеденных костров. В почти полной тьме полудня Ночного Города кто обратит внимание на несколько дюжин сумасшедших детей, затерявшихся среди балок и стропил?

В течение двух часов мы карабкались вверх по бетонным ступеням и стальным лестницам из перфорированных балок; мимо заброшенных платформ и покрытых пылью механизмов. Мы стартовали в месте, которое выглядело как покинутая ремонтная база, уставленная треугольными сегментами каркасов. Там всё было покрыто слоем уже надоевшего пульверизаторного граффити: названия банд, инициалы, даты примерно от начала столетия. Граффити следо-

вало за нами вверх, постепенно редея до тех пор, пока только одно имя не стало повторяться через интервалы. ПРИМ ТЕХ. Стекающими чёрными заглавными буквами.

— Кто такие Прим Тех?

— Не мы, босс. — Она вскарабкалась по шатающейся алюминиевой лестнице и исчезла в дыре, проделанной в листе гофрированного пластика. — «Примитивная техника, примитивная технология». — Пластик приглушал её голос. Я последовал за ней вверх, стараясь быть поосторожнее с больным запястьем. — Прим Техи, они бы сочли бездарным твой трюк с дробовиком.

Часом позже я протиснул себя через ещё одну дыру, на этот раз небрежно выпиленную в перекосившемся фанерном листе, и встретил своего первого Прим Теха.

— Всё в порядке, — сказала Молли, её ладонь опустилась мне на плечо. — Это всего лишь Пёс. Эй, Пёс.

В узком луче от её фонаря он рассматривал нас своим единственным глазом, медленно высовывая длинный серый язык и облизывая огромные собачьи клыки. Я удивился, почему они называют трансплантацию челюстной ткани добермана примитивной технологией. Иммуноподавители

на деревьях особенно не растут.

— Молл. — Увеличенные зубы мешали его речи. Ручеёк слюны стекал с его искривившейся нижней губы. — Услышал твоё приближение. Давно. — Ему должно было быть пятнадцать, но клыки и яркая мозаика шрамов складывались с пустующей глазницей в абсолютно звериную маску. Требовалось время и художественный вкус, чтобы создать такое лицо, и, как сообщало мне его позёрство, он за ним наслаждался жизнью. Он носил истлевшие джинсы — чёрные, покрытые глубоко въевшейся грязью и лоснящиеся на складках. Грудь ничем не прикрыта, ноги босы. Он изобразил что-то своим ртом, что должно было обозначать ухмылку. — Шёл за вами следом.

Далеко внизу послышались крики разносчика воды.

— Прыгаешь по струнам, Пёс? — Она направила свой фонарь в сторону, и я увидел тонкие канаты, привязанные к крючьям-болтам, тянущиеся к краю платформы и исчезающие за ним в темноте.

— Убери этот чёртов свет!

Она щелчком отжала кнопку.

— Почему тот, кто вас преследует, идёт без

света?

— Он в нём не нуждается. Он — плохая новость, Пёс. Если твои часовые попробуют поставить ему подножку, они прибудут домой легко транспортабельными частями.

— Это друг нашего друга, Молл? — Его голос звучал тревожно. Я услышал, как он переступает с ноги на ногу на изношенной фанере.

— Нет. Но он мой. А вот этот, — похлопывая по моему плечу, — он друг. Уловил?

— Конечно, — сказал он без особого энтузиазма, шагая к краю платформы, где были крючья-болты. Он начал дёргать канаты, передавая какое-то сообщение.

Ночной Город простирался внизу, как игрушечная деревушка для крыс; крохотные окошки озарялись светом свечей, и только очень немногие — резкие яркие квадраты, освещённые фонарями на батареях и ацетиленовыми лампами. Я представил себе стариков за их бесконечной игрой в домино под тёплыми жирными каплями воды, падающими с влажного стиранного белья, висящего на жердях между фанерными лачугами. Затем я попробовал представить его, терпеливо карабкающегося вверх сквозь тьму в своих шортах и уродливой туристической рубашке. Легко и

не торопясь. Каким образом он нас выследил?

— Отлично, — сказала Молли. — Он нас чует.

— Сигарету? — Пёс вытащил мятую пачку из кармана и выдавил расплющенную сигарету. Я бросил взгляд на торговую марку, пока он зажигал её для меня кухонной спичкой. Йехьян Филтерз. Сигаретная фабрика Бейджинга. Я решил, что Прим Техи работали на чёрном рынке. Пёс и Молли вернулись к своему спору, который, казалось, вращался вокруг желания Молли воспользоваться какой-то специальной частью имущества Прим Техов.

— Я оказала тебе целую кучу услуг, приятель. Мне нужен этот пол. И мне нужна музыка.

— Ты не принадлежишь к Прим Техам…

Так продолжалось, наверное, большую часть скрученного километра, Пёс вёл нас вперёд по качающимся навесным мостам и вверх по верёвочным лестницам. Прим Техи клеят свою паутину и потайные места к ткани города толстыми сгустками эпоксидной смолы и спят над бездной в сетчатых гамаках. Их место обитания настолько шаткое, что местами оно состоит лишь из креплений для рук и ног, выпиленных в опорах геодезики.

«Смертельный Пол», так она его назвала. Ка-

рабкаясь следом за ней, мои новые туфли Эдди Бэкса скользили на стёртом металле и сырой фанере; я пытался угадать, каким образом это место может быть более гибельным, чем остальная часть территории. В то же время я чувствовал, что протесты Пса были символическими и что она уже ожидала это получить, чего бы там она не хотела.

Где-то внизу Джонс кружил в своей цистерне, чувствуя приближение наркотической ломки. Полиция докучала завсегдатаям Дрома вопросами о Ральфи. Чем он занимался? С кем он был до того, как вышел из Дрома? Якудзы опускались своей призрачной громадой на городские банки данных, зондируя в поисках мельчайших моих отражений пронумерованные отчёты, протоколы служб безопасности, коммунальные счета. У нас информационная экономика. Этому они тебя учат в школе. Чего они не говорят тебе, так это что невозможно двигаться, жить, действовать на каком-либо уровне, не оставляя следов, кусочков, кажущихся бессмысленными, фрагментов информации личного свойства. Фрагментов, которые могут быть извлечены, усилены…

Сейчас пират уже должен был направить наше сообщение в очередь для закрытой передачи

на коммуникационный спутник Якудз. Простое сообщение: «отзовите собак, или мы протранслируем вашу программу во всех диапазонах».

Программа. У меня не было ни малейшего представления, что она содержала. И нет до сих пор. Я пою песню, не понимая смысла. Вероятно, это были исследовательские данные. — Якудзы, попавшиеся на усовершенствованных методах промышленного шпионажа. Милое дело, воровать у Оно-Сендай как-само-собой-разумеется и вежливо требовать выкупа, угрожая затупить исследовательский край конгломерата, сделав продукт достоянием общественности.

Но почему их игра не сложилась? Не будут ли они счастливее, имея что-то для торговли с Оно-Сендай, счастливее, чем они были бы с одним мёртвым Джонни из Переулка Торговцев Памятью?

Их программа была на своём пути к адресату в Сиднее, к месту, где держали письма для клиентов и не задавали вопросов, если ты внёс скромную предварительную плату. Наземная почта, четвёртый класс. Я стёр большую часть второй копии и записал наше сообщение в образовавшийся промежуток, оставляя ровно столько от программы, чтобы можно было определить её

подлинность.

Моё запястье болело. Я хотел остановиться, прилечь, уснуть. Я знал, что я скоро потеряю хватку и упаду, знал, что острые чёрные туфли, купленные для вечера как Эдди Бэксом, потеряют точку опоры и понесут меня вниз в Ночной Город. Но он возник в моём воображении как дешёвая религиозная голограмма, светящаяся увеличенная микросхема в своей Гавайской рубашке, точно разведснимок какого-то обречённого городского микроорганизма.

И я следовал за Псом и Молли через небеса Прим Техов, — наскоро собранные и построенные из мусора, который не был нужен даже Ночному Городу.

Смертельный Пол был квадратом со стороной в восемь метров. Какой-то гигант продел стальной трос через свалку и туго её натянул. Она скрипела, когда двигалась, а двигалась она постоянно, качаясь и осциллируя, пока собирающиеся Прим Техи размещались на окружавшем Пол фанерном карнизе. Древесина лоснилась от времени, полированная долгим использованием; глубоко изрезанная инициалами, угрозами, проявлениями страсти. Она поддерживалась отдельным набором тросов, теряющихся в темноте за резкой

границей конусов света от двух древних прожекторов, висящих над Полом.

Девушка с зубами, как у Пса, приземлилась на Пол на четвереньках. На груди вытатуированы синие спирали. Затем она пробралась по нему, смеясь, борясь с парнем, который пил тёмную жидкость из литровой фляжки.

Мода Прим Техов тяготела к шрамам и татуировкам. И зубам. Электричество, которое они воровали для освещения Смертельного Пола, было, казалось, исключением в их эстетике, созданной для… обряда, спорта, искусства? Я не знал, но мог догадываться, что Пол был чем-то особенным. Он выглядел так, словно собирался на протяжении поколений.

Я держал бесполезный дробовик под курткой. Его твёрдость и тяжесть успокаивали, хотя у меня больше не было патронов. До меня, наконец, дошло, что я совершенно не понимаю, что на самом деле произошло, или должно было произойти. И это и было природой моей игры, потому что я провёл большую часть своей жизни как слепое хранилище для заполнения знаниями других людей, — чтобы выплёскивать синтетическую информацию, которую сам никогда не понимал. Техничный малый. Профессионал. Точно.

И тут я заметил, как притихли Прим Техи.

Он был там, на границе света, разглядывая Смертельный Пол и галерею молчащих Прим Техов со спокойствием туриста. И когда наши глаза встретились, мы узнали друг друга; в мозгу сразу возникла картина. Париж, длинный электробус Мерседес, проплывающий сквозь дождь в сторону Нотр Дама; оранжереи на колёсах, японские лица за стеклом, и сотни Найконов, поднимающиеся в слепом фототропизме, цветы из стали и стекла. За его глазами в момент, когда они нашли меня, были те жужжащие затворы.

Я поискал глазами Молли Миллионс, но она исчезла.

Прим Техи раздвинулись, позволяя ему шагнуть на скамью. Он поклонился, улыбаясь, и легко вылез из сандалий, оставив их лежать абсолютно ровно, а затем шагнул вниз на Смертельный Пол. Он двинулся ко мне через движущийся конвейер хлама так же легко, как любой турист, прогуливающийся по синтетическому ворсу в любом заурядном отеле.

Молли приземлилась на Пол.

Пол взвыл.

Он был снабжён микрофонами и усилителями; регуляторы, двигавшиеся по четырём толстым

спиральным пружинам в углах, и контактные микрофоны, приклеенные лентой в произвольных местах к ржавеющим частям механизмов. Где-то у Прим Техов были усилитель и синтезатор, и теперь я мог разглядеть колонки над головой, над жестокой белизной прожекторов.

Раздался мерный электронный рокот ударных, как пропущенное через усилитель сердцебиение, ровное, как звуки метронома.

Молли сбросила кожаную куртку и ботинки; футболка была без рукавов, слабые следы имплантированных в Чиба Сити проводов бежали вдоль её тонких рук. Её кожаные джинсы блестели под прожекторами. Она начала танцевать.

Она согнула колени, белые ступни ног напряглись на расплющенном бензобаке, и Смертельный Пол начал вздыматься в ответ. Звук, который он издавал, был словно глас Армагеддона, как будто канаты, поддерживающие небеса, лопались и скручивались.

Он качался вместе с Полом в течение нескольких сердцебиений; потом он начал двигаться, профессионально отслеживая движения Пола, как человек, перешагивающий с одного плоского камня на другой в декоративном садике.

Он вытянул кончик своего большого пальца

с грацией человека, привыкшего к элегантным жестам, и швырнул в неё. Под светом прожекторов нить переливалась полосками радуги. Она бросилась на пол и перекатилась, вскакивая на ноги, когда молекула просвистела мимо; стальные когти появились на свет как подобие автоматического защитного оскала.

Ритм барабанов ускорился, Молли подпрыгивала в такт, её тёмные волосы растрепались вокруг пустых зеркальных линз, рот сжат в тонкую линию, губы напряжены. Смертельный Пол гремел и ревел, Прим Техи кричали в возбуждении.

Он укоротил нить до метра — свистящий круг призрачного полихрома — и вращал её перед собой. Беспалая рука на уровне груди. Щит.

Молли, казалось, освободила что-то внутри себя. Теперь по-настоящему начался её танец бешеной собаки. Она прыгнула, извиваясь, делая выпады в стороны, и приземлилась обеими ногами на сделанный из какого-то сплава блок двигателя, прицепленный к одной из спиральных пружин. Захваченный вихрем звука, я закрыл уши руками и упал на колени, полагая, что Смертельный Пол и скамьи уже падали вниз, вниз в Ночной Город. И я представил, как мы проламываемся сквозь лачуги, мокрое стиранное

бельё, и взрываемся на мостовой, словно гнилые фрукты. Но тросы держались, и Смертельный Пол вздымался и опускался, как обезумевшее металлическое море. И Молли танцевала на нём.

И под конец, как раз перед тем, как он сделал свой последний бросок, я увидел на его лице странное, словно не принадлежащее ему выражение. Это не был страх или гнев, нет, скорее — неверие, изумление, смешанное с чисто эстетическим отвращением к тому что он видел и слышал, — и к тому, что с ним происходило. Он втянул крутящуюся нить, призрачный диск уменьшился до размеров обеденной тарелки, затем занёс руку над головой и рывком опустил её вниз. Кончик большого пальца полетел к Молли, словно живое существо.

Пол унёс её вниз, молекула пронеслась чуть выше её головы; Пол встал на дыбы, поднимая его на пути туго натянутой молекулы. Она должна была пройти безвредно над его головой и втянуться в своё алмазное гнездо. Молекула снесла ему руку чуть ниже запястья. Перед ним в Полу был проём, и он полетел в него, словно ныряльщик со странной неестественной грацией, сбитый камикадзе на пути в Ночной Город. Отчасти, мне кажется, он делал это, чтобы купить себе несколько секунд

уважения тишиной. Культурный шок оказался смертельным.

Прим Техи орали, но кто-то отключил усилитель, и Молли, с мёртвенно-бледным пустым лицом, качалась на Смертельном Полу в тишине, теперь держась за него. До тех пор, пока скрежет не замедлился, слышалось только слабое постанывание измученного металла и скрип ржавчины, царапавшей ржавчину.

Мы обыскали Пол в поисках отрезанной руки, но так её и не нашли. Мы обнаружили лишь изящную кривую, прорезавшую один из кусков ржавой стали, через которую прошла молекула. Срез был ярким, как хромовое покрытие.

Мы так никогда и не узнали, приняли ли Якудзы наши условия, и дошло ли до них наше послание. Насколько я знаю, их программа всё ещё ждёт Эдди Бэкса на полке в задней комнате магазина подарков на третьем этаже Сидней Централ-5. Вероятно, они продали оригинал обратно Оно-Сендай месяцы назад. Но возможно, что они действительно получили пиратское радиопослание, потому что никто не пришёл искать меня, — по крайней мере, до сих пор, а уже прошёл почти год. Если они действительно придут, им придётся долго взбираться вверх через тьму, ми-

мо часовых, расставленных Псом, и я не особенно похож на Эдди Бэкса в эти дни. Я позволил Молли позаботиться об этом, — с локальным обезболиванием. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь наверху. Когда я смотрел сквозь Смертельный Пол — прежде, чем он пришёл — я увидел, какая невероятная пустота внутри меня. И ещё понял, что слишком устал быть помойным ведром. Так что теперь я спускаюсь и навещаю Джонса почти каждую ночь.

Мы теперь с ним партнёры. И с Молли Миллионс тоже. Молли улаживает наш бизнес в Дроме. Джонс всё ещё торчит в Парке Развлечений, но у него теперь большая цистерна со свежей морской водой, которую меняют каждую неделю. И он получает своё снадобье, когда в нём нуждается. Он всё ещё разговаривает с детишками при помощи своего щита с лампочками, но со мной он общается на дисплее в сарае, который я здесь снимаю. Этот прибор лучше, чем тот, с которым он работал в армии.

И все мы сейчас получаем неплохие деньги, больше, чем я получал раньше, потому что Спрут Джонса может считывать следы всего того, что когда-то хранилось во мне, и он выводит это всё на дисплей на доступных мне языках. Так что мы

многое узнаём обо всех моих бывших клиентах. Когда-нибудь я раздобуду хирурга, чтобы выкопать весь силикон из своих желёз, и буду жить своей собственной памятью, как все остальные. Но какое-то время я ещё потерплю.

А пока мне здесь, наверху, по-настоящему здорово. Сидеть здесь в темноте, высоко-высоко, покуривая китайские сигареты с фильтром и слушая, как капает конденсация с геодезики. У нас тут тихо, если, конечно, парочка Прим Техов не решит потанцевать на Смертельном Полу.

Вдобавок поучительно. Когда с помощью Джонса разберусь в кое-каких штуках, стану самым крутым профессионалом в городе.

William Gibson. Johnny Mnemonic. 1981.